

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ МЕМУАРОВ.

Вспомнить подлинные мысли и слова Ньютона — (учший способ) почтить память величайшего естествознавителя. Писания Ньютона и книги о Ньютоне основательно забыты, о них помнят только немногие, главным образом историки науки. Глубоко различна судьба великого поэта и великого ученого. Мы помним каждое слово Горация, Шекспира, Пушкина, комментирована каждая строка, чалейший втропант их литературного наследия, и поэт прав, предсказывая

Так! Весь я не умру; но часть меня большая,
От тленя убежав, по смерти станет жить.

Совсем иное в науке Единственное большое собрание творений Ньютона издано в XVIII веке и с тех пор не переиздавалось, поэтому же собрания и совершенно, письма Ньютона разбросаны по разным редким изданиям, архив Ньютона в значительной части не издан. Что помнит физик, астроном и математик во многих случаях (если не в большинстве) о Ньютоне? Законы механики и тяготения, опыты с призмой, интерференционные кольца, что-то о спорах Ньютона с Лейбницем и вольтеровский анекдот о яблоке. Вместо живого образа небывалой творческой напряженности — примитивная схема элементарного учебника. Стала учного, осуществляющаяся главным образом присловием „закон такого-то“, — только жажда тени живой славы поэта.

Причины этого неизбежны, их много, но главная — стремительное развитие науки. В науке мы живем настоящим, передовые линии, особенно в наши дни, непрерывно переносятся, а трофеи тыла остаются неразобранными в тиши и пыли библиотек. В 1761 г. Ламберт писал Эйлеру (по поводу своей „Фотометрии“), „Если я пользуюсь иногда ньютоновскими терминами, то это, примерно, то же, что применение системы Птолохея в сферической астрономии“, а позднее Гете называл „Оптику“ Ньютона „старым гнездом крыс и сов“. Но в истории науки совершаются иногда неожиданные вещи. Оптика Ньютона для нас в эпоху теории световых квантов и „волновой механики“ значительно ближе, чем оптика Эйлера, не говоря уже о Гете. Знакомство с нимою имеет интерес не только исторический, но и современный.

Мы выбрали для перевода два совершенно разнохарактерных мемуара Ньютона „Теория света и цветов“ — первое печатное сообщение Ньютона. Эта теория, в которой „домыслы не смешиваются с достоверностями“, останется навсегда живой и непоколебленной, сохраняя свою роль в науке, как механика и термодинамика, чтобы с наукой ни случилось. Со стороны формы — это прекраснейший образец простого, ясного, краткого и до конца откровенного изложения. „Этот мемуар, — пишет Розенбергер, — совершенно своеобразен, другого подобного Ньютона не писал. Он полон любезной откровенности, живо передает радость открытия, подробно изла-

гают все неудачные предположения и медленное достижение истины... Никогда впоследствии не рассказывал Ньютон столь непринужденно развитие своих открытий".

Совсем иной характер второго мемуара. Это гипотеза о природе света, написанная тем, кто сказал „*hypotheses non fingo*“. В противоположность „достоверности“ первого мемуара, Ньютон просит „не смешивать гипотезы с его другими рассуждениями или судить об их достоверности по гипотезе“, он даже не считает себя обязанным отвечать на возражения против этого мемуара. Мемуар не был напечатан при жизни Ньютона, не вошел в собрание его оптических сочинений *) и напечатан только в 1752 г. в Истории Королевского Общества, откуда и сделан перевод. Здесь излагается всеобъемлющая гипотеза эфира, объясняющая тяготение, электричество, свет, животные процессы и пр., здесь же дан набросок компромиссной корпускулярно-волновой теории света, представляющей по своей основной мысли большой интерес для современника.

Различные, главным образом исторические, сведения, поясняющие мемуары, собраны в примечаниях, помещенных в конце текста.

Переводить Ньютона не легко, приходится искать средней линии между подстрочным переводом и нежелательной модернизацией, но, говоря словами одного переводчика XVIII века: „Самым худым переводом гораздо больше можно пользоваться, нежели ничем“.

С. Вавилов.